

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA

II

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2015

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. II

Редактор: Григорий Утгоф
Корректоры: Елена Земскова, Мария Последова
Оформление и верстка: Сирье Ратсо

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Василия Кандинского „Impression III (Konzert)“ (1911)

Авторское право: Авторы статей, 2015
Авторское право: В. Н. Топоров, наследники
(статья «Знак и текст в пространстве и времени»), 2015
Авторское право: Издательство Таллиннского университета, 2015

ISSN 2346-5824

TLÜ Kirjastus
Narva mnt 25
10120 Tallinn
www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Pakett

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

А. А. Костин (С.-Петербург). Творческая история «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова в свете компиляционных источников: Новые материалы 9

А. Ю. Балакин (С.-Петербург). Еще об авторстве статьи «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год», атрибутируемой Достоевскому 35

А. М. Губергриц (Таллин). Иллюстрация в детских журналах царской России 60

А. А. Долинина (С.-Петербург), М. Г. Сальман (С.-Петербург). «Я вернулся в мой город...»: Неизвестный вариант стихотворения О. Э. Мандельштама 69

О. Р. Демидова (С.-Петербург). Между Прустом и Джойсом: Вехи на пути к Абсолюту 80

Д. Д. Николаев (Москва). «Водевиль в сумасшедшем доме»: «Линия Брунгильды» М. А. Алданова 103

II

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ТОПОРОВ: К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

В. Н. Топоров. Знак и текст в пространстве и времени. Публикация М. Д. Дынина (Москва) и Т. В. Цивьян (Москва) 139

КРИТИКА

- С. Г. Шиндин (Саратов).** «Чужая речь мне будет оболочкой...». Рец. на кн.: «Корни, побеги плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве» 171

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кафедра русской литературы Таллинского педагогического института им. Эдуарда Вильде: материалы к библиографии (1979–1992)..... 195
- Abstracts..... 218
- Kokkuvõtted 222
- Авторы этого выпуска..... 226
- Авторам будущих выпусков..... 229

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «КРАТКОГО РУКОВОДСТВА К КРАСНОРЕЧИЮ» М. В. ЛОМОНОСОВА В СВЕТЕ КОМПИЛЯЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)¹

А. А. Костин
(С.-Петербург)

Компиляция как термин, означающий одну из техник создания текста, несмотря на достаточно прочную укорененность в исследованиях по древнерусской² литературе (и – шире – по древним и средневековым), чувствует себя неуютно в применении к явлениям литературы «новой»³, в России традиционно отсчитываемой с

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-04-00551: «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: творческая история, источники, текст».

² Приведу ёмкое определение компиляции из главки «Приемы древнерусского творчества» классического труда В. Н. Перетца, вполне отражающее то, как этот термин будет пониматься в настоящей работе: «Компиляцией называется создание нового литературного памятника на основании двух, трех и более. Компилятор берет идеи и элементы изложения, иногда целые фразы и более крупные части из своих источников, но подчиняет свое построение и изложение чужого материала той или иной новой руководящей идее [выделено разрядкой в оригинале. – А. К.], излагает этот материал по своему плану, часто со своим освещением ... В новой литературе компиляция также обычна: почти все общие обзоры исторические, историко-литературные и т. п. научно-популярные статьи и книги – являются компиляциями» (Перетц 1922: 77; Перетц 2010: 131–132). Перетц выделяет компиляцию как особый прием использования чужого текста, отличный, с одной стороны (по наличию авторской интенции и творческого подхода), от плагиата и (механической) контаминации; а с другой (по обнаруживаемым значительным текстуальным совпадениям), – от более самостоятельных подражания, отражения и продолжения.

³ Показательно отсутствие статьи «Компиляция» в: ЛЭ 1929–1939 и КЛЭ 1962–1978; в «Большой советской энциклопедии» в статье «Копмиляция» описано явление, для которого В. Н. Перетцем использован термин «контаминация»: «[Л]итературная работа, сочинение, составленная по заимствованным у других авторов материалам, без самостоятельной их обработки и собственных исследований» (БСЭ 1973: 585).

XVIII века⁴. Между тем, век, одним из символов которого стала «Энциклопедия» Дидро и Даламбера – опыт критического сведения в одном издании всей совокупности человеческих знаний, – конечно, не был лишен компиляционной практики, служившей созданию тысяч (в том числе очень влиятельных) печатных изданий во всей Европе⁵. Многочисленные опыты использования ее в русской печати лишь подтверждают включенность России в общеевропейские каналы распространения знаний⁶.

Очевидно, что в этих условиях компиляция оставалась основной техникой создания учебников по риторике. Склонность к повторению утвержденного традицией опыта, и без того свойственная педагогической практике в целом, усугублялась в данном случае спецификой области знания, для которой опора на авторитеты и ориентация на образцы была не только характерной чертой, но собственно определяла само ее существование. Сказать «компилятивная риторика XVIII века» значит по степени тавтологичности примерно то же, что сказать «восторженная пиндарическая ода» или «галантная эклога Нового Времени», – мы имеем дело с существенной особенностью жанра, без рефлексии над которой применительно к каждому конкретному образцу немислимо его понимание. Поэтому филологическое изучение той или иной риторики как памятника невозможно без уяснения ее компиляционной структуры, служащей одним из основных ключей к реконструкции творческой истории. В полной мере это относится

⁴ В последней академической истории русской литературы применительно к русским сочинениям XVIII века этот термин употреблен лишь единожды, для характеристики паралитературного явления: «Внешним выражением нарастающего интереса к собственной поэтической древности являлись ... многочисленные издания 1770–1780-х гг. полуфольклорных компиляций» (Стенник, Кочеткова 1980: 676). Спор с характеристикой подобного рода литературы как компиляционной и отстаивание авторства в работе ее составителей см. в: Пушкирев 1967: 206–236.

⁵ О высоком статусе компиляции в европейском культурном дискурсе десятилетий, предшествовавших появлению труда Дидро и Д'Аламбера, см.: Gierl 1999: 69–104, Gierl 2001: 63–94.

⁶ Методику работы с русскими печатными компилятивными сочинениями см. в: Рак 1998.

и к «Краткому руководству к красноречию» М. В. Ломоносова, наиболее влиятельной русской риторике⁷, которая и станет предметом анализа в настоящей работе.

Для дальнейшего изложения необходимо сообщить (с незначительными уточнениями) ряд достаточно известных фактов об истории создания и публикации «Краткого руководства к красноречию»⁸.

В январе 1744 года Ломоносовым было подготовлено в белой рукописи сочинение, которое вскоре поступило на рассмотрение Конференции Петербургской Академии наук с вопросом о возможности его напечатать. Сочинение, написанное, по-видимому, до конца 1743 г., было названо «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия». Размашисто переписанная набело на 104 листах А. П. Протасовым рукопись составляла 4 раздела, 15 глав (включая посвящение и неозаглавленные введения к разделам), 140 параграфов, содержащих около 11 тысяч слов.

В марте того же года, после того как Г. Ф. Миллер дал на рукопись отзыв, из которого следовало, что для издания ее следует серьезно переработать, в том числе обогатив иллюстративный материал, Ломоносов приступил к этой работе. Плоды ее начали печататься после января 1747 г. и печатались, судя по всему, до мая или июня 1748 г.; только с последним листом был напечатан титульный лист книги⁹, на котором значилось: «Краткое руководство к красноречию,

⁷ См. статью, во многом подводящую итоги более чем полуторавековой истории изучения этого памятника: Сазонова 2013: 20–40.

⁸ Общую канву см. в: Ломоносов 1952: 790–793, 805–814.

⁹ В сохранившихся корректурных листах издания 1748 г. (СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 3, № 50) только последний лист «У» не имеет подписи Ломоносова об отправке в печать (отметка об отправке в печать листа «Р» на с. 272 обрезана), зато она есть на обороте титульного листа («Печатать / Ломоносов»). Сложенный для переплета в тетрадку печатный лист «У» образует семь книжных листов (с. 305–315 и 3 нenum. страницы), в то время как остальные листы книги – восемь. Бумага титула соответствует бумаге листа «У». Таким образом, можно предполагать, что титульная страница была напечатана на последнем печатном листе книги вместе с ее последними параграфами, содержанием и списком погрешностей, а затем вырезалась и приплеталась в начале издания.

книга первая, в которой содержится риторика...». На 327 страницах этого издания помещалось 3 раздела, 25 глав в 326 параграфов, всего около 50 тысяч слов.

Если оставить за скобками последующие издания «Краткого руководства» в 1759 и 1765 гг., правка в которых носит преимущественно стилистический или случайный типографский характер¹⁰, мы вынуждены будем признать, что крайние точки концептуальной, теоретической работы Ломоносова над его риторикой отражают два источника – беловая рукопись 1743 г. и печатное издание 1748 г. Из оставленных им самим или при его жизни свидетельств нам ничего не известно прямо о том, когда Ломоносов задумал свою риторикку; какими пособиями пользовался при ее подготовке; на какое время приходится этапы активной работы над книгой; с чем связана и в чем заключалась переработка сочинения на разных этапах, и т. д. И хотя обилие источников текста¹¹, а также документированность некоторых этапов прохождения рукописи через официальные инстанции создают впечатление того, что творческая история «Краткого руководства к красноречию» нам достаточно известна¹², на деле впечатление это иллюзорно. Несмотря на более чем двухвековую историю изучения этого труда Ломоносова, наши представления о его творческой истории до сих пор крайне смутны. Она может быть описана только на основе тщательного анализа вариантов всех источников текста (варианты эти до сих пор со сколько-

¹⁰ О проблеме текстологической квалификации изданий 1759 и 1765 гг. см.: Морозов 1956: 167–172; Виноградов, Бархударов, Блок 1956: 469–472; Морозов 1957: 220–221; Карпова 1968: 81–82; Николаев 1994: 7–15.

¹¹ В корпус источников текста ломоносовской риторики должна быть включена, помимо упомянутых корректурных листов (СПФ АРАН. Ф. 20, оп. 3, № 50), также черновая рукопись труда (там же, № 49) и ряд фрагментарных черновых переводов.

¹² Ср., например, характерное высказывание в новейшем претендующем на подведение итогов исследовании: «Вторая текстологическая проблема, возникающая в связи с «Кратким руководством к красноречию...» – воссоздание его творческой истории – лишена трудностей подобного рода: ход работы Ломоносова над риторическими его сочинениями, сопровождающие эту работу биографические подробности, отзывы о ней современников – все это неоднократно описывалось в научной литературе» (Бухаркин 2013: 60).

либо удовлетворительной полнотой не опубликованы), их палеографических и кодикологических особенностей, а также при условии расширения наших сведений о том, какие источники легли в основу работы Ломоносова над Риторикой.

В этой статье речь пойдет именно об источниках. Только после определения объема и характера заимствований в «Кратком руководстве к красноречию» можно будет делать выводы об оригинальности этого сочинения и его месте в истории русской филологической мысли. Между тем, до недавнего времени круг относительно надежно устанавливаемых источников Риторика был слишком небольшим, чтобы на его основе проводить сколько-либо серьезный компиляционный анализ.

История изучения компиляционных источников «Краткого руководства...» подробно изложена К. Н. Лемешевым (см.: Лемешев 2012: 107–122); для целей настоящей статьи важно отметить следующее. Вплоть до начала XX века опора Ломоносова при подготовке своего учебника на другие пособия не вызывала у исследователей каких-либо сомнений. Два основных пособия, использование которых распространяется на всю книгу, были указаны еще Евгением (Болховитиновым)¹³ – это “De eloquentia sacra et humana” Н. Коссена (Caussin; первое издание – 1617 г.; не менее 23 переизданий до конца XVII века) и “(Novus) candidatus Rhetoricae” Ф.-А. Помея (Pomey, первое издание – 1659 г.; исправленное – 1668 г.; не менее 26 переизданий до конца XVII века). Н. С. Тихонравов (см.: Тихонравов 1865: 75–88) добавил к этим источникам “Ausführliche Redekunst” И. Г. Готшеда (первое издание – 1736)¹⁴. На основе этих сведений в своей студенческой работе 1867 г. А. С. Будилович привел обширный список соответствий между «Кратким руко-

¹³ Ср.: «Ломоносова Риторика собрана из тех же классических книг, и наипаче из латинской Каусиновой большой и Помеевой Риторика, и вся составлена только из общих правил с подведением только некоторых российских примеров подлинниками и переводами» (Евгений 1845: 20).

¹⁴ О связи ломоносовской риторики с сочинением Готшеда см. подробнее: Graßhoff 1961: 498–507.

водством...» и тремя названными пособиями (Будилович 1869: 103–111 1-й паг., 36–72 2-й паг.). Закрепленные в филологической традиции М. И. Сухомлиновым, который активно использовал сопоставления А. С. Будиловича в комментарии к риторическому тому «Сочинений» Ломоносова (см.: Ломоносов 1895), труды Коссена, Помея и Готшеда продолжают оставаться основой наших знаний о том, чем пользовался Ломоносов при работе над своей риторикой, до сих пор (см.: Риторика 2013: 26).

Между тем, патриотическая идеология конца 1940-х – начала 1950-х гг., во многом определявшая позицию издателей «Полного собрания сочинений» Ломоносова (XI тт., 1950–1983), обусловила то, что значение компиляционных источников для понимания природы «Краткого руководства...» постепенно релятивизировалось. Уже у авторов комментария к «Полному собранию сочинений» труды Коссена, Помея и Готшеда превращаются из источников компиляции в элементы круга чтения¹⁵, следствием чего стал комментарий, в котором для переводных примеров «Краткого руководства...» сведения об источнике перевода приводятся преимущественно по позднейшим авторитетным изданиям, хотя в большинстве случаев перевод был выполнен, скорее всего, с посредствующей риторикой¹⁶. Подобная позиция привела к тому, что в реконструкции библиотеки Ломоносова, выполненной Г. М. Коровиным, упоминаются издания сочинений Филострата, Димитрия Фалерского, Амвросия Медиоланского и многих других авторов, сведений о знакомстве с которыми Ломоносова помимо чтения риторических пособий нет (см.: Коровин 1961). Это представление об эрудированном книжнике, без труда ориентирующемся во всем объеме античной и святоотеческой литературы, оказалось привлекательным и нередко

¹⁵ Ср.: «За границей Ломоносов внимательно изучает трактаты по риторике Лонгина (в переводе Буало), Коссена, Помея и Готшеда, которого, как и Лонгина, конспектирует» (Ломоносов 1952: 791).

¹⁶ Отсылка к книге Готшеда в комментарии нет вовсе; отсылки к Помею и Коссену приведены в единичных случаях, когда не удается найти «авторитетного» источника примера.

воспроизводится. Обратной стороной этого отказа видеть в «Кратком руководстве...» компиляцию, основанную прежде всего на опыте новоевропейской филологической мысли, стало стремление соотнести ее (скорее на уровне филиации идей, а не заимствования текста) с русской риторической традицией¹⁷.

Однако наиболее проблемным для перспектив изучения «Краткого руководства...» мне видится заданное пренебрежительным отношением середины XX века к компилятивной природе ломоносовского сочинения представление о том, что сам по себе вопрос об источниках, хотя и может быть поставлен, но вряд ли может быть решен, да и само его решение не так уж важно, поскольку риторический труд *a priori* растворен в пучине традиции¹⁸. Между

¹⁷ Приведу характерную цитату, логика которой вполне соответствует интеллектуальным построениям 1949 г., и между тем до сих пор во многом определяет видение проблемы источников «Краткого руководства...»: «Вполне закономерно акцентирование современных исследователей не на формальные совпадения многих мест “Риторика” Ломоносова с аналогичными пособиями его западных предшественников, а на то новое, что было им дано в его труде с целью удовлетворения национальных потребностей ... Однако совершенно справедливое стремление выявить значительную самостоятельность ломоносовского “Руководства” и по целям, и по средствам может привести к другой крайности: его “Риторика” окажется в изоляции от предшествующей ей национальной традиции» (Федоров 1971: 292). При всей бесспорной значимости трудов по изучению ранней русской риторики, которая вплоть до 1740-х гг. не может рассматриваться в отрыве от малороссийской традиции (см.: Поньрко 1981: 154–162; Стратий, Литвинов, Андрушко 1982; Буланина 1985; Вомперский 1988; Аннушкин 1999а), проблема источников текстов, особенно применительно к западноевропейскому материалу, как правило, не получает в них сколько-либо заметного места. Имеющиеся попытки непосредственно связать «Краткое руководство...» Ломоносова с ранними русскими риторическими трудами (Гаврюшин 1986: 131–154, Аннушкин 1999б: 89–102) представляются недостаточно убедительными.

¹⁸ При всей верности утверждения о том, что «через какое посредство Ломоносов получил определения понятий или примеры, установить трудно ... Не только учение, но также и цитаты передаются из поколения в поколение и могут встречаться в разных компендиумах, которые не всегда прямо зависят друг от друга, но принадлежат к общей традиции. Мы имеем дело с пересекающимися источниками, и в таком случае точное установление источника цитирования становится проблематичным» (Сазонова 2013: 34; см. также Аннушкин 2011); с учетом того, что анализ ломоносовской риторики в свете общих течений западноевропейской риторической мысли XVI–XVIII веков может давать интересные результаты (Лахман 2001), фактический отказ от признания проблемы конкретных источников как ключевой в анализе «Краткого руководства» (Риторика 2013) вряд ли может быть оправдан.

тем, как показывает практика анализа компиляций, обилие предполагаемых источников не исключает принципиальной возможности установления генезиса компиляции – если не до того именно издания или рукописи, с которой осуществлялся перевод/переписывание, то по меньшей мере до группы источников со своими характерными признаками. Чрезвычайно сложная в доцифровую эпоху для необозримого поля европейской риторики нового времени¹⁹, задача эта значительно упрощается – при условии следования выработанным ранее методам – с появлением электронных библиотек и возможностью поиска по текстам сотен тысяч книг XV–XVIII веков, основным инструментом которого остается сервис Google Books²⁰. Продуктивность этих методов показывают в том числе находки в области источников ломоносовского «Краткого руководства к красноречию», составляющие основной материал настоящей статьи.

Главное, что нам известно о соотношении самой ранней рукописной (1743 г.) и первой печатной (1748 г.) редакциях «Краткого руководства к красноречию», состоит в следующем: с одной стороны, при подготовке печатного текста Ломоносов добавил несколько глав, материал которых полностью отсутствовал в ранней рукописи²¹; с другой стороны, несколько глав и даже один краткий раздел в печатном тексте исчезли вовсе²². Оставив пока в стороне последние, постараемся понять, что нам известно о «новых» главах в тексте 1748 года с точки зрения их источников.

¹⁹ Далекий от полноты, особенно в отношении земель Восточной Европы, библиографический указатель изданий по риторике раннего Нового Времени (Green, Murphy 2006) включает описание 3842 трудов, для которых зафиксировано в общей сложности 12325 изданий.

²⁰ Методологические замечания о совмещении традиционных методов компиляционного анализа с новыми поисковыми инструментами предложены мною ранее в работе: Костин 2011: 75–94.

²¹ Это главы (по сквозному счету): 9) О возбуждении, утолении и изображении страстей; 21) О хрии; 23) О расположении по разговору; 24) О расположении описаний.

²² Главы: 13) О расположении слов публичных; 14) О расположении приватных речей и писем; 15) О произношении. Последняя глава целиком представляет собой заключительный, четвертый раздел текста 1743 г.

Из всех четырех «новых» глав источники не устанавливаются только для одной – «О расположении по разговору». Что касается остальных, то известно, что глава «О возбуждении страстей» в значительной степени – и в отношении теоретических формулировок, и в выборе примеров – основана на соответствующих разделах “*Ausführliche Redekunst*” Готшеда и риторике Коссена; в главе «О хрии» определения, один небольшой пример и один обширный – хрия на слова Бианта «Я все свое несу с собой» (§ 264) – восходят к соответствующему разделу книги Помея; и, наконец, большинство примеров в главе «О расположении описаний» взяты из раздела XI “*Characteres epidictici*” книги Коссена.

Эти сведения могут быть дополнены. Важнейшим источником раздела о хрии стало, по-видимому, пособие Якоба Мазена²³ “*Palaestra oratoria*” (первое издание – 1659)²⁴ или другой восходящий к нему печатный или рукописный труд.

Предлагая во втором разделе своей книги курс практических упражнений в риторике по системе из 14 «прогимназм» Афтония Софиста, Мазен в конце его особенно останавливается на рассмотрении хрии (упражнение, предполагавшее распространение в оформленный текст по строгим правилам либо замечательного высказывания, либо известия о памятном поступке)²⁵, посвящая ей четыре главы (XX–XXIII), где, помимо общих сведений и спора с правилами Афтония, он приводит в том числе пять хрий собственного сочинения (в главе XXI “*Praxis chrriarum diversarum*”) и шесть – извлеченных из сочинений Цицерона (в главе XXIII “*Veterum authorum chrriae*”)²⁶. Три из последних попали в печатный

²³ Jacob Masen (1606–1681), учитель риторики в иезуитских школах Трира, Мюнстера, Аахена и Дюссельдофа. См. о нем: Bauer 1990: 353–354. Сочинения Мазена были хорошо известны в России и использовались в том числе в семинарской практике.

²⁴ Для сверки текстов Ломоносова и Мазена использовано издание: Masen 1678. Для удобства поиска соответствий в других изданиях при указаниях на книгу Мазена там, где этого можно избежать, используется отсылка не к странице, а к соответствующей главе и параграфу.

²⁵ О судьбе хрии в России см.: Богданов 2015: 39–54

²⁶ I) *Majus malum dedecus, quam dolor est*; II) *Beatam vitam in Phalaridis Taurum descensuram*; III) *Quidquam nunquam minus otiosi sunt, quam cum sunt otiosi*; IV) *Si violandum*

текст «Краткого руководства»²⁷, причем в том именно объеме, какой был использован у Мазена; с сохранением его порядка (отчего хрия о Фаларидовом быке из V книги «Тускуланских бесед» предшествует хрии о Сократе из I книги того же сочинения) и сопровождающих текст примечаний (в частности, здесь источник вызвавшей недовольство В. К. Третьяковского²⁸ характеристики Ломоносовым мыслей Цицерона как перипатетического учения в преамбуле к § 261)²⁹. Также, в черновой рукописи «Краткого руководства» 1747 г. сохранился зачеркнутый Ломоносовым почти полный перевод одной из пяти хрий, предложенных Мазеном в главе XXI³⁰, а в § 257 печатного текста в качестве образца темы для смешанной хрии приведено заглавие последней хрии, избранной Мазеном из Цицерона³¹. Совокупность этих сведений позволяет предполагать, что «Краткое руководство» и “*Palaestra oratoria*”

est jus, regnandi gratia violandum est; V) *Socrates recte mortem contempsit*; VI) *Anaxagoras filii mortem aequo ferens animo dixit: “Sciebam me genuisse mortalem”*. Подчеркиванием выделены хрии, находящие соответствия у Ломоносова.

²⁷ § 261 – «что блаженная жизнь может войти с человеком в Фаларидова быка»; § 262 – «больше всех тогда был неединен, когда уединен находился» и § 263 – «Сократ по справедливости смерть презрел».

²⁸ На поле принадлежавшего Третьяковскому экземпляру «Краткого руководства...» замечено: «[В]се ложь: не перипатетическое, но стоическое, и в Цицероне говорил стоик» (Ломоносов 1895: 513; Николаев 1994: 10–12).

²⁹ Ср. слова Ломоносова («В пример словесной хрии предлагается из Цицероновых Тускуланских запросов кн. 5 перипатетическое учение о том, что блаженства жизни человеческой никакие мучения отнять не могут») и Мазена (“*Chria verbalis II. Beatam vitam in Phalaridis Taurum descensuram. Ita veteres philosophi. I. Exorditur a Peripateticorum sententia, docetque turpe esse virtutem dolori succumbere ... Cicero ad Brutum Tuscul. q. lib. 5. n. 76*”).

³⁰ Ср. у Ломоносова («§ 255. Действительная хрия есть, которая изъясняет и доказывает действие, например ... Дионисий, тиран сицилийский, неприятелю своему Диону отмстил ... § 258. К лучшему понятию показанных правил предлагается несколько хрий, для образца сочиненных, из которых первая есть действительная и вместо темы имеет второй пример действительной хрии ... Приступ. Дионисий, тиран сицилийский, коль коварен был...» – Ломоносов 1952: 296–297; далее ссылки на текст «Краткого руководства» приводятся в тексте по этому изданию) и Мазена (“*Chria IV. realis ... Exordium. Dionysius Siciliae Tyrannus, cum hostem suum egregium ultum vellet ... Elocutio. Quanta fuerit Dionysii, Siciliae tyrannide ... vastricies...*”).

³¹ Ср. у Ломоносова («Смешанная хрия есть ... Когда Анаксагору сказали, что сын его умер, тогда он так отвечал: я знал, что он смертен родился». – Ломоносов

связаны генетически. Причем, несмотря на то, что буквально из латинского источника Ломоносовым взяты только примеры, нельзя исключать того, что книга Мазена послужила для Ломоносова не только хрестоматийным, но и теоретическим источником.

При том, что значительную часть теоретического текста в разделе о хрии, а также два примера Ломоносов взял из своего основного пособия – книги Помя, можно предположить, что именно знакомство с изложением учения о хрии у Мазена заставило его включить этот раздел в свою книгу. Само его появление в печатном тексте «Краткого руководства...» отчасти удивительно, поскольку в ранней редакции (1743 г.) о хрии сказано несколько пренебрежительно: «Некоторые риторы располагают свои слова чрез особливую форму, называемую хрию, которая разделяется на осмь частей, однако нет в ней ничего особливого, и все ея части в помянутых четырех частях слова [вступление, истолкование, утверждение и заключение. – А. К.] заключаются, для того об ней обстоятельно писать оставляю» (Ломоносов 1952: 65). Как видно, изначально Ломоносов не считал хрию заслуживающей сколько-нибудь пристального внимания. Между тем, к 1747 г. его отношение к этой форме меняется: он посвящает ей полную главу из 12 параграфов. Как кажется, ключевым для подобного решения стало положение, содержащееся в § 260 печатной ломоносовской риторики: «Хотя у древних учителей красноречия о хрии правил не находим, однако немало есть оныя примеров в их сочинениях. Правда, что они по большей части неполны и непорядочны, однако мне рассудилось, что для образца лучше предложить оные, нежели по предписанным от Автония Софисты правилам строго от новых авторов сочиненные, из которых почти ни единой путной видать мне не случилось» (Ломоносов 1952: 298–299).

По-видимому, мы можем видеть здесь отголосок мысли Мазена, который, отчасти полемически излагая свою теорию и практику хрии после разбора «Прогимназм» Афтония, где

1952: 296) и Мазена (“Chria VI. Mixta. Anaxagoras filii mortem aequo ferens animo dixit: ‘Sciebam me genuisse mortalem’”).

хрии предписывался определенный строгий порядок из восьми частей, замечает: «Закон этот предписан Афтонием, и ты можешь безнаказанно его нарушать. И порядок, им предписанный, не нужно держать за священный ... И если ты им пренебрежешь, это может способствовать силе и сути [хрии]. Итак, законы эти не те, что у Радаманта, и не по ним оценивается достоинство хрии ... А теперь перейдем к Древним, внося в их наследие и собственную лепту»³².

Основное различие в изложении учения о хрии у Помея и Мазена заключается как раз в том, что первый держится очень строгих правил Афтония и приводит множество хрий собственного сочинения (последнюю из них Ломоносов вольно перерабатывает в конце своей главы); Мазен же склонен оценивать хрию как учебный опыт, важный для практики в остроумии и стиле, а не следовании правилам, отчего основное место у него занимают примеры из древних, и именно в этом за ним следует Ломоносов.

Рассмотренный пример использования Ломоносовым отдельного пособия для подготовки одного параграфа (а материал книги Мазена не дает оснований считать, что она использовалась в каких-либо других местах ломоносовского труда) кажется достаточно прозрачным; далее хотелось бы остановиться на случае значительно менее очевидном, но от того не менее интересном.

Наиболее традиционным разделом риторики является учение о тропах и фигурах (метафора, аллегория, различные типы повторов, смена нарративных моделей, и т. п.). Из-за того, что соответствующие разделы включает в том или ином виде почти любая риторика, излагаемые в них положения и примеры во многих случаях существенно пересекаются, из-за чего может казаться, что поиск источника в данном случае заведомо обречен на неудачу. Между тем, сама техника компиляционного труда неизбежно приводит к тому, что созданный компилятором труд несет на себе

³² “Lex est illa Aphtoniana, quam sine crimine violaveris. Sed nec ordo ab eodem proscriptus quicquam habet religionis ... Ad illius vim et rem natam intererit quandoque neglexisse. Hae igitur leges Rhadamantheae non sunt, hic pondus Chriae non libratur ... Nunc Veteres, suam huc quoque conferentes symbolam, andiamus” (Masen 1678: 475, 508).